

Александр Фокин

Рец. на: Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе. Сборник статей. М.: Новый хронограф, 2016. 464 с.

Alexandr Fokin

(Chelyabinsk State University, South Ural State University, Russia)

Rec. ad op.: Poslednee desiatiletie sotcializma: Transformatcionnye protsessy v GDR i v Sovetskom Soiuze. Sbornik statey. Moscow, 2016

DOI: 10.31857/S086956870001947-2

У рецензируемого сборника, посвящённого изменениям, происходившим в СССР и ГДР в 1980-х гг., долгая история. Его основой явилась конференция, прошедшая летом 2013 г. в Тутцинге (Германия), однако он увидел свет лишь в конце 2016 г. Российская часть редакционной коллегии находилась в Челябинске, немецкая же была разделена между Берлином и Тутцингом, а печатался сборник в Москве. Даже в нашу эпоху развития коммуникаций это сказалось на скорости подготовки книги, а также на технических моментах. Так, вызывает вопросы название. В выходных данных по-русски оно приведено как «Последнее десятилетие социализма: Трансформационные процессы в ГДР и в Советском Союзе: сб. ст.», на обложке и в немецких выходных данных появляется дополнение «1985–1989/1991», а если заглянуть на последнюю страницу, то сборник статей превращается в коллективную монографию. Несколько озадачивают и хронологические рамки. Хотя следует оговориться, что само словосочетание «последнее десятилетие социализма» является метафорой, поэтому в одном случае отсчёт начинается с 1982 г., в другом – с 1985 г.

Яркая черта сборника – билингвизм. Первая часть (с. 11–227) – тексты на русском языке, вторая (с. 228–437) – на немецком. Это выигрышная особенность, поскольку увеличивает аудиторию потенциальных читателей. Книга разбита на пять проблемных блоков: «Поздний социализм: новейшие аналитические подходы и состояние исследований», «Системная трансформация в ГДР и СССР», «Экономика в трансформационную фазу», «Общество и идеология в последнее десятилетие социализма» и «Потребление и повседневность в 1980-е гг.». Такой подход

позволяет создать фрагментарную, но многоплановую картину исследуемого периода.

Сборник выявляет специфику изучения позднесоветского периода в современной историографии. Одной из главных проблем является его второстепенность по сравнению с другими эпохами советской истории. Если на конференции по 1917 г. или истории сталинизма подаются сотни заявок, то специалистов, занимающихся изучением позднего СССР, даже с учётом хрущёвского, брежневского и горбачёвского периодов, можно пересчитать по пальцам. По данной причине значимым явлением становится каждая попытка обозначить контекстуальную рамку эпохи. Вдвойне интересно, когда авторы стремятся дать сравнительный анализ на базе материалов ГДР и СССР, тем более что объединение Германии и распад Советского Союза невозможно изучать в отрыве друг от друга.

Однако небольшое количество специалистов обуславливает отсутствие широкой дискуссии и неотрефлексированность подходов, концепции и языка описания. Основные термины, использующиеся для обозначения послевоенных периодов, такие как «оттепель», «застой», «перестройка», пришли в учебники, статьи и монографии из идеологических текстов и публицистики и изначально задают определённую оптику. Возможно, для сохранения историографической традиции их можно и сохранить, но необходимо серьёзно проработать. Пока этого не произошло, наблюдаются контрастные подходы к описанию «последнего десятилетия», которые в том числе представлены и в рецензируемом сборнике.

Например, поскольку 1980-е гг. не так далеко отстоят от нашего времени, ещё

вполне активны многие участники событий, которым кажется заманчивой идея представить свой личный опыт как слепок эпохи. Преимуществом такого подхода является возможность зафиксировать неформальные практики, которые редко попадают в официальные документы, но играют важную роль в повседневной жизни. Другой подход — исследовать отдельные примеры (одной гостиницы или одного сектора экономики) и через анализ локальных процессов понять общие закономерности эпохи. Третий подход, на мой взгляд, самый непродуктивный на данном этапе, заключается в воспроизводстве традиционного политического нарратива — с перечислением указов, выступлений на партийных съездах и т.п. Это, конечно, обязательный элемент исследования эпохи, но ограничение формальными моментами даёт слишком простые ответы на вопросы, создавая малоинформативную, плоскую картину.

Сборник начинается статьями О.Ю. Никоновой и О.С. Нагорной, в которых даётся обзор исследований о позднесоветском обществе и ГДР. Сравнивая два историографических потока, можно отметить разницу как в количестве, так и в качестве работ. Если история позднего СССР только ждёт формирования «понимающей историографии» и расширения эмпирической базы, то применительно к ГДР этот этап уже пройден. Сейчас авторы ищут новые подходы — например, пытаются вписать её историю в глобальные нарративы, преодолев тем самым локальный статус изучаемого объекта. Как и большинство историографических работ, эти статьи обязательно найдут своего читателя, поскольку являются ориентиром при знакомстве с литературой. Наверное, единственным замечанием к первому разделу является отсутствие должного внимания к англоязычным работам.

Во втором разделе представлены три статьи: «Дорога, уводящая от насилия, дорога, ведущая в насилие» Я.К. Берендса, «Крах системы в ГДР и в Советском Союзе после 1985 г.» М. Моммзен и «Противодействовать трансформации? Горбачёв и крах ГДР» М. Майера. На мой взгляд, это самая слабая часть сборника. Авторы обобщают уже известные данные, но не создают принципиально нового. Возможно, это связано с тем, что главная фигура статей — М.С. Горбачёв, без которого, конечно, невозможно обойтись при изучении падения социалистических режимов. Основной акцент делается на его публичные выступления и знаковые события эпохи, что не является в полной мере классической политической историей.

Чувствуется, что статьи ориентированы на читателя, незнакомого с советской историей и событиями 1980-х гг., поэтому авторы считают своим долгом дать их общий обзор.

Одновременно с этим, впрочем, они ставят, как представляется, важные проблемы. Российскими авторами история СССР традиционно воспринимается как часть «большой национальной истории» и самодостаточное явление. Однако Берендс, например, отмечает, что неправомерно анализировать перестройку как изолированный период, его невозможно понять вне контекста процессов, шедших в странах восточного блока, и ранних событий, таких как вторжение в Прагу и политический кризис в Польше. Это лишний раз показывает разницу между отечественной и зарубежной историографией: если в первой мы находим богатый фактический материал, то концептуальные модели в основном появляются во второй.

Про экономику в третьем разделе пишут Х. Кнорц («Недостаток рабочей силы и интенсификация трудовых процессов в последнее десятилетие социализма») и Р.Г. Кирсанов («Финансовая система ГДР и СССР»). Вопрос об эффективности экономической модели восточного блока является острым в силу того, что связан и с повседневным опытом существования значительной части населения в условиях дефицита, и с идеологическим противостоянием социализма и капитализма. Советская модель базировалась на возможности экстенсивного роста, хотя, как обращает внимание Кнорц, к 1980-м гг. значительных резервов для такового уже не было и, например, в ГДР к работам привлекали студентов и солдат. Ещё один момент — в позднесоветский период оформился негласный социальный контракт между властью и населением, важной составляющей которого являлся определённый уровень жизни. Следовательно, с одной стороны, власти необходимо было поддерживать его, с другой, — для этого уже не было ресурсов.

Небольшая статья Кирсанова касается довольно узкой проблематики трансформации банковского сектора, однако это одна из самых цельных статей сборника, ибо в ней показаны процессы, шедшие параллельно в СССР и ГДР. Так, по мысли автора, реформа банковской системы оказалась необходимостью для всех стран соцлагеря. Но если в СССР были допущены серьёзные ошибки (в частности, союзные республики получили возможность создавать кредитно-денежные системы, что ускорило процесс распада), то в Германии, наоборот, происходил процесс централизации, и в результате банковская система Восточной Германии оказалась от-

носителем безболезненно интегрирована в экономику ФРГ.

Четвёртый раздел оказался самым обширным. В него вошли четыре статьи: «Третье, но социализм снова на пороге?» Дебаты западногерманских левых в СССР и ГДР в 1985–1991 гг.» К. Шидата, «Кризис и распад в СССР системы пропаганды и информирования о странах советского блока на примере ТАСС» П.Г. Черёмушкина, «Перформативная переменная или дифференциация? Последнее поколение СССР и ГДР и конец государственного социализма» Ф. Бенекерта и «Сила и слабость общественной критической рефлексии в годы перестройки» А. Шор-Чудновской. Авторы затрагивают проблематику не столько производства идеологии, сколько восприятия обществом официального дискурса. Представляется, что наиболее удачно это удалось осветить Шидату и Бенекерту. Первый затрагивает крайне интересную тему и включает в разговор о восточном блоке ещё одного игрока – ФРГ. Постфактум утверждается идея, что на Западе многие предчувствовали неизбежный крах социализма и готовились к нему, что такая точка зрения являлась универсальной. Второй через анализ выступлений и статей в журналах показывает, что левые в ФРГ предлагали и другие взгляды на реформы в СССР и восточном блоке. Это важное замечание, поскольку демонстрирует многовариантность восприятия перестройки как на Западе, так и на Востоке. Впрочем, западногерманские левые довольно быстро перешли от надежд на формирование в СССР нового, «настоящего» социализма к разочарованию в действиях Горбачёва, а крах советской системы для многих означал поражение всего левого движения. Кроме этого, в своём тексте Бенекерт, опираясь на концепцию «перформативного сдвига» А. Юрчака – одну из ведущих на данный момент – анализирует общество ГДР и стремится расширить антропологический подход за счёт поколенческого анализа.

В противовес статьям немецких исследователей материалы Черёмушкина и Шор-Чудновской в большей степени могут быть отнесены к жанру научной публицистики, ибо в них прослеживаются опора на личный опыт и выраженная идеологическая позиция. Подобные тексты интересны как свидетельство эпохи, демонстрирующее личную включённость в описываемый процесс, но аналитическая составляющая явно оставляет желать лучшего.

Последняя часть сборника посвящена теме, наиболее активно изучаемой сейчас

применительно к послевоенной истории, – повседневность и потребление. Её составляют статьи «Параллельный мир моды. Многогранные процессы эрозии в поздней ГДР на примере альтернативной культуры» А. Праузе, «Осень “Интуриста”»: идеология, рекреационная стратификация и “теневая” экономика в последнее советское десятилетие» А.Д. Попова и «От политической бдительности к “разумной общительности”»: советский выездной туризм в 1980-е годы» И.Б. Орлова. Первая публикация вызывает особый интерес не только сама по себе, но и обилием иллюстративного материала, демонстрирующего мир неформальной моды ГДР. Последнее десятилетие социализма породило обилие субкультурных и контркультурных движений как в ГДР, так и в СССР. Развитие потребительского ожидания при невозможности официальной индустрии удовлетворить спрос привело к активизации альтернативных моделей. Так, в ГДР в 1988 г. было зафиксировано 300–400 независимых модных групп, что демонстрирует как потерю контроля со стороны государства, так и уровень запросов, прежде всего, среди молодёжи. Так происходила замена идеологических установок на потребительские.

Попов и Орлов в 2016 г. выпустили совместную монографию, посвящённую выездному туризму в СССР. В 2013 г. же они проверяли свои концепции. Первый, используя документы крымского отделения «Интуриста», показал, как менялась данная организация. Эти изменения свидетельствуют о трансформации всей советской системы. В системе «Интуриста» создаются полузакрытые заведения, доступ в которые определялся принадлежностью или к привилегированным слоям общества, таким как политическая или творческая элита, или к иностранным гражданам. Но постепенно в число «допущенных» вошли люди сомнительной, с точки зрения советской идеологии, репутации, символическое воплощение которых – криминальный авторитет Крымов из фильма «АССА», демонстрирующий, что деньги – более значимый ресурс, чем телефонное право. Явно сознавая потерю части своих привилегий, С.В. Михалков опубликовал в «Правде» стихотворение, которое приведено в статье и, думаю, доставит удовольствие каждому читателю. Орлов, в свою очередь, описывает общую ситуацию с выездным туризмом, определяя, какие правила существовали касательно выезда за границу и в какие страны ездили чаще всего. Но если в статье Попова используется традиционный подход к изучению истории повседневности,

когда через малое даётся образ большого, то у Орлова туризм является самодостаточным объектом изучения.

В заключение отмечу, что к достоинствам сборника следует отнести прежде всего разнообразие тем. Фактически представлено каждое тематическое направление, которое разрабатывается применительно к позднесоветскому периоду. При этом сборник не претендует на то, чтобы «закрыть» какую-то тему, а наоборот, призывает к критике и диалогу. Если же говорить о минусах, то главный — фрагментарность. За исключением историографического сегмента почти

нигде не получилось сопоставить процессы в ГДР и СССР. Сюжеты из истории одной страны не дополняются анализом положения в другой. В результате читатель должен самостоятельно улавливать некий «дух времени» и выстраивать связи между различными текстами. Сборник выявляет парадоксальную ситуацию: в силу кажущейся понятности, небольшого исторического разрыва и наличия собственного опыта о позднесоветском обществе зачастую известно гораздо меньше и, главное, понять его сложнее, чем ранние периоды отечественной истории.

Милана Живанович

Рец. на: Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / Научный редактор А.Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018. 304 с.

Milana Zivanovic

(Institute of contemporary history of Serbia, Belgrade)

Rec. ad op.: Rossiia i slavyanskiy mir v voynakh i konfliktakh XIX–XX vekov. Sbornik statey. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870001948-3

В 2014–2016 гг. российские и белорусские учёные, изучающие историю славянских стран Центральной и Восточной Европы и их взаимоотношения с Россией, провели серию научных мероприятий в Республике Беларусь. Одним из них стала организованная факультетом государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке фонда «Русский мир» международная конференция, состоявшаяся в ноябре 2016 г. в Бресте.

В ней приняли участие историки из ведущих университетов, академических институтов и аналитических центров России, Белоруссии, Сербии и Словакии, обсудившие историю реформ второй половины XIX в. на территории Украины и Белоруссии, становление и развитие национального самосознания у славян в XIX–XXI вв. и роль современной историографии в его трансформации, влияние Первой мировой войны на судьбы славянства, основные тенденции политического развития славянских государств в межвоенный период и во второй половине XX в. Итоги конференции отразились в

сборнике статей «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков». Как отметил в предисловии его научный редактор А.Ю. Полунов, «история славянского мира, расположенного на стыке различных культурно-цивилизационных зон, в сфере противоборства соперничающих друг с другом держав, издавна была насыщена противоречиями и столкновениями, здесь особенно бурно протекали процессы консолидации этноконфессиональных общностей и размежеваний между ними». Авторы статей, вошедших в сборник, размышляли прежде всего о том, «какими особенностями отличался (и отличается) процесс нациообразования в славянском мире? Можно ли говорить о существовании славянского единства и, если да, в каких сферах оно проявляется наиболее отчётливо?». При этом они стремились «если не пересмотреть утвердившиеся в историографии и особенно в массовом сознании стереотипы, касающиеся этих вопросов, то существенно их скорректировать»¹.

Книгу открывает очерк А.А. Кривопалова, посвящённый роли фельдмаршала И.Ф. Паскевича, светлейшего князя Варшавского, 221